

ЕКАТЕРИНА ШАВРИНА:

«Я сжимала
Хрущева
в объятиях,
пока меня не
вывели из ложи»

Однажды я была на гастролях в Буэнос-Айресе. Мексиканский импресарио, узнав о том, что я обожаю Лолиту Торес, совершенно неожиданно предложил мне с ней встретиться. В квартире Лолиты на черном рояле стоял портрет — она в фильме «Возраст любви»: высокая, стройная, с невероятно выразительным лицом — от нее невозможно было глаз отвести!

Пока я рассматривала фотографию, в гостиной появилась пожилая грузная женщина с двойным подбородком, огромным носом и маленькими заплаканными глазками. Я приняла ее за домработницу. Женщина заговорила с моим переводчиком, тогда и я в нетерпении от того, что сама хозяйка дома никак не появляется, тоже подошла к нему и громко спросила: «Где же в конце концов Лолита?» Бедняга весь залился краской: «Сеньора уже десять минут стоит перед вами. И слава Богу, что она ни слова не понимает по-русски...»

То, что даже самые красивые люди со временем превращаются в стариков и старух, стало для меня страшным потрясени-

В четырнадцать лет я стала одной из самых известных в Перми исполнительниц народных песен

увелившись из леспромхоза в поселке Пышма, перевез семью в Среднюю Азию, в крошечный городишко Талас. В это забытое Богом место ссылали чеченцев и карачаевцев. Драки и поножовщина были там самым обычным делом. Поэтому мама ни одного дня не жила спокойно, опасаясь, что ее дети попадут под горячую руку какому-нибудь головорезу. Но мы жили очень дружно и умели постоять за себя. Однажды мою старшую сестренку Люсю обидел соседский мальчишка. Как же я тогда разозлилась! Нашла где-то огромную деревянную палку, всю сплошь в занозах, и отправилась домой к ее обидчику. Я лупила его этой палкой так яростно, что он, бедный, никак не мог со мной сладить, хотя я была младше на несколько лет.

Из Таласа мы перебрались в Кандалакшу, из тепла — да в жуткий холод. Там я впервые начала заниматься художественной самодеятельностью. Однажды в тридцатиградусный мороз наш маленький коллектив повезли на выступление. А я в то время не только пела, но еще и показывала на сцене акробатический этюд. Нас везли в совершенно промороженном, продуваемом насквозь автобусе, и, добравшись до места, я замерзла до такой степени, что не могла даже сжать пальцы. Как только мы зашли в клуб, нас встретил какой-то добрый дядя, который не долго думая предложил нам, маленьким детям, выпить по рюмочке водки, для того чтобы согреться. Я выпила и почувствовала, что тут же куда-то поплыла. Поэтому, когда вышла на сцену показывать свой достаточно сложный акробатический этюд, то не смогла даже согнуться. Меня тут же повело в сторону, и я позорно свалилась со своей табуретки. Зрители, правда, сделали вид, что им понравилось, и хлопали так, будто ничего и не произошло... Но я все равно очень долго переживала эту неудачу. Тогда я и дала себе слово никогда в жизни не употреблять алкоголь...

— Я слышала, что вы встречались с Никитой Сергеевичем Хрущевым?

— В четырнадцать лет, пройдя небольшой конкурс, я стала петь в Прикамском народном хоре. И еще всеми правдами и

Я выпила водки, и меня тут же повело. А когда я вышла показывать свой акробатический этюд, не смогла даже согнуться и позорно свалилась с табуретки...

ем. Почему-то мой мозг отказывался принять эту простую истину. Я смирилась с ней, только когда побывала в Индии. На большом празднике в Дели я весь вечер просидела рядом с немощным сморщенным стариком, которого беспрерывно мучила тяжелая одышка. И лишь потом узнала: это был Радж Капур — я боготворила его всю жизнь.

В то время я сама была уже далеко не девочкой: похоронила маму и отца, рассталась с двумя мужьями и одна воспитывала троих детей. Мне рано пришлось повзрослеть, но, может быть, именно потому, что слишком быстро превратилась из девочки во взрослую женщину, в глубине души я всегда оставалась очень наивной...

В детстве родители баловали меня больше, чем других детей (нас было шестеро: пять сестер и брат), потому что у меня были проблемы со слухом. Если бы не уникальная операция, которую мне сделали в Свердловске, я бы на всю жизнь осталась инвалидом. Говорить и петь я начала почти одновременно, в четыре года. Как рассказывала мама, я готова была двадцать четыре часа в сутки рвать глотку. Пела я в дороге — наша семья постоянно переезжала с места на место. Вскоре после моего рождения отец,

Меня и еще четырех лауреатов конкурса выбрали, чтобы вручить цветы членам правительства и самому Хрущеву

Мой второй муж был музыкантом
в оркестре Юрия Саульского

вы наш! Спасибо вам за все!» кинулась его обнимать. Не знаю, как долго еще я сжимала бы его в объятиях, но тут охрана Хрущева пришла в себя, и меня просто вывели из ложи. Правда, после этого случая я прославилась на всю страну, потому что фотографии, на которых я целую и обнимаю Хрущева, облетели страницы всех центральных газет Советского Союза.

— После такого триумфа вы возвращались в Пермь уже известной артисткой?

— Конечно, меня начали узнавать. Тогда я только заканчивала десятый класс и в своей школе стала просто героиней. Вскоре моя популярность распространилась уже далеко за пределы школы, потому что песню, с которой я выступала на конкурсе, теперь постоянно крутили по центральному радио. Мама, слушая меня, только усмехалась: «Надо же, наша Катька — артистка...» Конечно, она называла меня так в шутку, потому что ни ей, ни отцу и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я буду выступать на эстраде. «Певица — это Зыкина, а такие, как ты, — на день, на два, пока молодая да красивая, а потом никто и не вспомнит». Я доверяла своим родителям безоговорочно, поэтому искренне попыталась забыть о недавнем признании и устроилась регулировщицей динамиков на телефонный завод. Вот тогда-то мне на глаза и попала заметка о том, что Государственный Волжский народный хор в Куйбышеве проводит конкурс. И меня как будто прорвало...

Я не долго думая уволилась с телефонного завода и засобиралась в Куйбышев. На меня действительно что-то нашло, потому что в дальнюю поездку я отправилась, несмотря на сопротивление родителей и на то, что у меня не было ни гроша за душой (деньги на билет мне выделил секретарь заводской комсомольской организации Володя Мальцев).

Оказавшись в ложе, я бросилась к Хрущеву: «Никита Сергеевич, родной вы наш! Спасибо вам за все...» Но тут охрана пришла в себя, и меня вывели вон...

неправдами устроилась туда же уборщицей, наконец-то получив возможность помогать родителям. Пела я очень бойко, задорно, поэтому уже буквально через год меня, как одну из самых заметных в Перми исполнительниц народных песен, откомандировали на Всероссийский смотр самодеятельности в Москву. После конкурса меня и еще четырех лауреатов выбрали для того, чтобы на заключительном концерте вручить цветы членам правительства и самому Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мероприятие было очень ответственным, поэтому с нами провели строгий инструктаж: в условленное время нас пятерых проводят в правительственную ложу, мы точно в соответствии с заранее утвержденным списком вручаем свои цветочки и тут же ретируемся. Я тогда очень обиделась, потому что дарить цветы Хрущеву доверили какой-то доярке, а мне велено было поздравить всего навсего рядового члена правительства по фамилии Фурцева. Но никто из всей нашей маленькой делегации не любил Никиту Сергеевича больше, чем я! Поэтому когда, минуя все кордоны, я наконец оказалась в ложе, то напролом бросилась к Хрущеву. Я так торопилась, боясь, что меня сейчас же поймут и выведут, что на бегу со всей силы толкнула локтем какую-то очень серьезную невысокую женщину (мне только потом рассказали, что эта и была Фурцева). Добежав до Никиты Сергеевича, я уже забыла, что хотела подарить ему цветы. Какое там! С криками: «Никита Сергеевич, родной

Я добралась до Куйбышева и только тогда узнала, что хора давно и след простыл — все уехали на гастроли. Села на чугунную лестницу в здании, где размещался хор, и стала думать, что же мне теперь делать — ни на еду, ни на обратный билет я не оставила ни копейки. Но на мое счастье в тот вечер в студию, около которой я сидела, зашел музыкальный руководитель коллектива Григорий Пономаренко (о том, что он самый известный в Союзе композитор, написавший шлягеры того времени «Оренбургский пуховый платок» и «Ивушка зеленую», я узнала много позже). Возможно, его растрогал мой несчастный вид, и он согласился меня прослушать. В качестве общепризнанного эксперта позвал вахтершу тетю Лизу (которая поначалу встретила меня очень недружелюбно: «Ишь ты, приперлась с Урала! Много вас тут таких ходит...»). Я спела им несколько песен из репертуара Мордасовой и Руслановой, потом, перейдя к частушкам, еще и в пляс пустилась. Пономаренко очень смеялся: «Неплохо. Зайди недельки через две. Посмотрим, что можно для тебя сделать...» Он ожидал, что я обрадуюсь, я же чуть не расплакалась. «Мне, — отвечаю, — и переночевать-то негде, а вы говорите «зайди недельки через две...» Пономаренко подумал минуту и предложил переночевать у него: «Не переживай. Дня четыре поживешь у меня, а потом определим тебя в общежитие».

— Повезло вам...

— Конечно. Хотя квартира Пономаренко сразу мне не понравилась. Очень уж там было неприглядно: вещи разбросаны, посуда не мыта, кругом валялась грязная одежда. А я с детства была приучена к идеальной чистоте и порядку. Поэтому тут же потребовала тряпку и ведро. Я вовсю намывала пол, когда к Григорию Федоровичу заглянул его друг, поэт Бурыйгин. «Кто это, — спрашивает, — у тебя на ночь глядя так усердствует?» Пономаренко тут же нашелся: «Да вот, уборщицу себе взял. Не поверишь, оказалось, она еще очень неплохо поет...»

Вскоре Григорий Федорович, как и обещал, устроил меня в общежитие. Но, наверное, он очень привык ко мне за те не-

сколько дней, что я прожила у него, так как теперь приходил проводить по нескольку раз в день. Я, глупая провинциальная девочка, тогда этому только радовалась. Думала: надо же, какой заботливый человек! Хотя даже слепому было ясно, что Григорий Федорович, приняв меня в хор, имел свой интерес. Он недавно развелся с женой и начал откровенно за мной ухаживать.

Помощник Пономаренко устроил мне настоящий разнос: «Хватит ломаться и мучить хорошего человека. Немедленно переезжай жить к нему...»

— Должно быть, в женском хоре у вас тут же появилось множество недоброжелательниц — в один момент увели у них из-под носа завидного жениха...

— Многие на самом деле стали смотреть на меня косо, и я из-за этого очень переживала, потому как и в страшном сне пред-

ставит себе не могла, что у меня, шестнадцатилетней девчонки, может быть что-то, кроме дружеских отношений, с человеком, который на двадцать два года старше. У Григория Федоровича дети могли быть моего возраста!

Я так старательно избегала встреч с Пономаренко, что его помощник устроил мне настоящий разнос. «Хватит ломаться и мучить хорошего человека. Неужели не видишь, как он тебя любит? Немедленно переезжай жить к нему...» — сказал он. Я тогда чувствовала себя как загнанный зверек: с одной стороны, я была очень благодарна Григорию Федоровичу, однако пред- ставить себя его женой не могла ни в какую. Но Пономаренко

был намного опытнее меня. В конце концов он устроил все так, что мне не оставалось ничего иного, как выйти за него замуж... На гастролях в Казани он пригласил меня порепетировать новую песню у себя в номере и как бы случайно закрыл дверь на ключ, который потом так и не смог найти...

Я вернулась в Куйбышев совершенно разбитая и упростила Григория Федоровича отпустить меня на недельку в Пермь. Я приехала к родителям как раз под Пасху и, с порога рассказав им о том, что сошлась с человеком почти на четверть века старше себя, напрочь испортила весь праздник. Папа был в ярости: «Как же ты могла к себе мужчину подпустить, который мне ров-

Кубинские гастроли запомнились мне надолго. Нас с Юрой Богатиковым пригласил на прием Фидель Кастро. Потом он отвел меня в сторону и сказал: «Катя, забыть вас невозможно, обязательно возвращайтесь...»

Зыкина жила в крошечной двухкомнатной квартирке с сидячей ванной. Я все думала: как эта царственная женщина может поместиться в таком корытце?

ня?> Мама просто плакала: «Бросай ты свой хор, иди учись на зубного врача, пока не поздно...»

А я уже и жизни не могла себе представить без сцены. Но Пономаренко сделал все, чтобы я стала выступать как можно меньше. Он не хотел меня делить ни с кем. Поэтому с легкой душой оставил Куйбышев и уехал в Волгоград, когда ему предложили организовать там новый хор.

Вскоре у нас родился сын Гриша (это имя преследует меня по жизни, у меня и первый, и второй муж, и сын — все Григории), и Григорий Федорович радовался так, что просто засыпал меня дорогими подарками. Он ведь был далеко не бедным человеком, так как получал огромные гонорары за свои песни со всего Союза. К тому же в Волгограде его неплохо обеспечили: квартира, машина, огромный оклад. Денег было столько, что однажды, решив поразить мое воображение, муж купил мне яхту. И назвал точно так же, как называл меня — «Золоташка», он сходил с ума от моих светлых волос.

Мне в этой устроенной жизни не доставало только одного, главного — работы. Теперь она сводилась к тому, что изредка в концертах я исполняла новые песни Пономаренко, и ничего больше. Он писал только для меня, с тех пор как мы познакомились.

— А если вы, допустим, выбирали песню другого автора?

— О том, что мне понравилось что-то кроме его сочинений, нельзя было даже заикаться. В доме тут же начинался грандиозный скандал.

В конце концов мы стали ссориться так часто, что Пономаренко, наверное, понял: еще немного — и я от него просто сбегу. Тогда он бросил волгоградский хор и увез меня с Гришей в Москву. Снял роскошную квартиру на Чистопрудном бульваре и целыми днями только и делал, что водил меня по всевозможным музыкальным редакциям на радио и телевидении. Понятно, что молоденькой певице, которой протезировал сам Пономаренко, не мог отказать никто. Именно тогда «Коля, Коля, Николаша», «Тополя, тополя» и «Гармошечка-говорушечка» в моем исполнении зазвучали из всех динамиков Советского Союза. Григорий Федорович думал, что если я буду больше петь, наша жизнь как-то наладится. Но я по-прежнему скучала и терзалась оттого, что стала женой этого совершенно чужого мне человека.

Я подошла к этому горе-баянисту и угрожающе прошипела: «Не прекратишь играть — получишь в морду...»

Он выдымывал дикие небыллицы, раздувал их и сам в них верил... В том концерте участвовали Эмиль Радов, братья Гусаковы, квартет «Аккорд», Лариса Мондрус и Иосиф Кобзон. Когда я, затаив дыхание, смотрела, как работал Кобзон, кто-то больно схватил меня за руку и буквально улыбочка была у тебя, когда ты смотрела на этого самца?» Мужа как подменили. Раньше он никогда не поднимал на меня руку. А тогда впервые несколько раз сильно ударил по лицу.

Григорий Федорович привез меня домой, а сам уехал к поэту Михаилу Пляцковскому. Тогда и я, наспех одевшись, взяла трехлетнего сына и выбежала на улицу. Наверное, я не очень хорошо понимала, что делаю, потому что даже детских вещей с собой не взяла.

Больше я не виделась с Григорием Федоровичем никогда. Передо мной тут же закрылись двери всех домов, где нас принимали вместе с мужем. Люди однозначно были на его стороне, за глаза и в глаза обвиняя меня в том, что я сломала жизнь хорошему человеку. Я осталась в совершенном вакууме, надо было все начинать с нуля...

— **Не имея московской прописки и с ребенком на руках?**

— Конечно, мне приходилось очень тяжело. В двадцать один год я осталась без всяких средств к существованию. Меня перестали приглашать в большие концерты, прекратили записывать на радио. Я зарабатывала жалкие гроши, целыми днями мотаясь с концертными бригадами где-нибудь за тридевять земель от Москвы. Возвращалась домой, падала на кровать и мгновенно засыпала. А просыпалась от того, что сын крепко-крепко обнимает меня за шею. Я тогда еле сдерживалась, чтобы не заплакать в голос. Случалось так, что утром мне его и покормить-то было нечем. Выручала моя квартирная хозяйка, у которой я снимала проходную комнату на Петровке. Вера Петровна все время старалась угостить Гришулю то котлеткой, то пирожком. А он, зная, что мама вернется домой голодная, всегда что-нибудь припрятывал. Чтобы как-то избавиться от хронического безденежья, я вспомнила свои школьные годы и пошла мыть подъезды в том же доме, где жила.

Я смотрела, как работал Кобзон. Вдруг муж больно схватил меня за руку: «Что это за мерзкая улыбочка была у тебя, когда ты смотрела на этого самца?»

ветское правительство, позволяя любимой певице страны жить в таких условиях. Людмила Георгиевна только отшучивалась. А тем временем поставила на стол селедочку, капусту квашеную с луком, картошечку. Меня за руку взяла: «Сытый голодного не разумеет. Пойдемте лучше обедать...»

Когда мы вернулись домой, Григорий Федорович устроил мне жуткую сцену. Он был просто в ярости от того, как я себя вела, что говорила, как сидела. «Ты меня позоришь! Ты вульгарна, неотесанна, тебе надо учиться...» — чего только он не наговорил в тот вечер, будто напрочь забыв, что не училась я только потому, что он ни на шаг не отпускал меня от себя.

Вскоре за этим скандалом последовал следующий, последний.

Пономаренко (и меня с ним за компанию) пригласили выступить в концерте от ЦК комсомола в клубе КГБ. Я отработала свой номер и тут же спряталась в кулисах, чтобы, прикинув к какой-нибудь шелочке, понаблюдать за тем, как выступают другие артисты. Григория Федоровича почему-то очень раздражало это мое любопытство. Ему все время казалось, что я

Впрочем, в то время в моей жизни было и светлое пятно: я продолжала учиться в Музыкальном училище им. Ипполитова-Иванова, куда поступила благодаря Людмиле Георгиевне Зыкиной. Но странное дело, как только за мой голос брались педагоги, я вообще переставала петь! Выходила на сцену и, вместо того чтобы делать это в привычной для меня манере, начинала лихорадочно вспоминать, как же надо верно выводить звук. В результате получалось что-то невообразимое. Тогда-то Людмила Георгиевна и сказала моему педагогу Гидевановой: «Елена Константиновна! Да не возитесь вы с ней. Учить Шаврину петь — все равно что портить...» Елена Константиновна прислушалась к ее совету и стала заниматься со мной только подбором репертуара.

Но мне все же было чему поучиться. Однажды Владимир Трошин (это он первым исполнил «Подмосковные вечера»), встретив меня за кулисами на каком-то концерте, сказал: «Катюша, да тебе не петь, а говорить надо учиться. Обязательно сходи к логопеду. ...» Как же я на него тогда обиделась! Мне самой почему-то и в голову не приходило, что у меня жуткий уральский говор: вме-

сто «что» я говорила «че», вместо «идем» — «айда». Тогда моя замечательная хозяйка Вера Петровна взялась учить меня всему тому, что, по ее мнению, должна была уметь каждая воспитанная девушка: правильно говорить, все в доме делать неслышно — закрывать ли за собой дверь (обычно после моего прихода дверь едва не слетала с петель), или мыть посуду, красиво принимать гостей и всегда следить за собой (кстати, именно Вера Петровна привила мне вкус к хорошему белью: приехав в Москву, я была

под локоток возьмет, а ручку поцелует. А в конце вечера даже решил меня в своей роскошной представительской машине до гостиницы подвезти. Уселся вместе со мной на заднее сиденье и потихоньку стал придвигаться поближе. Вот тут и проявилась вся моя невоспитанность. Я развернулась к нему и выпалила: «Ой, ну не прижимайтесь ко мне так! Вы ведь совсем старик...» Хорошо еще, что этот посол оказался с чувством юмора. Он так смеялся тогда, а потом, приходя за кулисы после концертов, все время

Однажды Владимир Трошин, встретив меня за кулисами, сказал: «Катя, да тебе не петь, а говорить надо учиться...»

совершенно уверена в том, что лучше полотняного лифчика и хлопчатобумажных трусиков ничего быть не может). В общем-то я училась у нее с большим удовольствием. Только вот на практике мне не всегда удавалось блеснуть своими хорошими манерами. Чаше я демонстрировала их полное отсутствие.

Первый раз в жизни Госконцерт отправил меня на гастроли за рубеж в Финляндию, и я тут же отличилась. Я хорошо отработала концерт, и вечером меня пригласили на прием к нашему послу. И вдруг этот посол, солидный человек лет пятидесяти, стал как-то уж очень игриво со мной разговаривать. То комплимент скажет,

шутливо у меня интересовался: «Катенька, ничего, если я тут с тобой по-стариковски немного рядышком постою?»

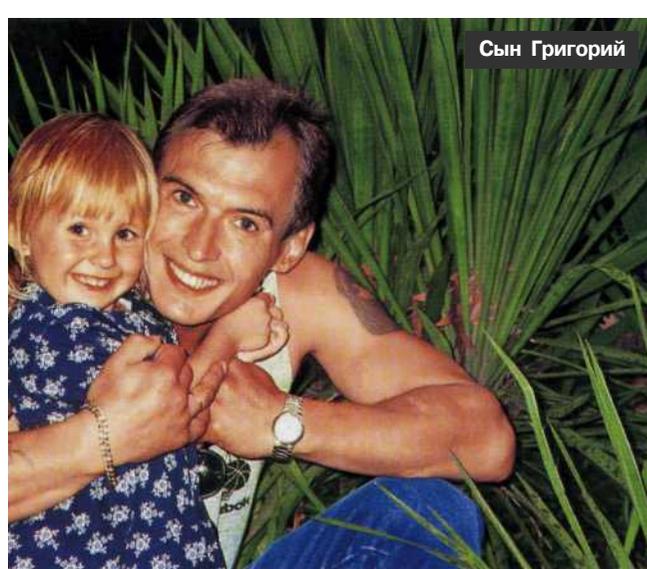
— **Вы сами шили себе платья для сцены?**

— Сначала — да. Только когда я стала очень много гастролировать, мне удалось заказать первое настоящее концертное платье у Славы Зайцева. Черное панбархатное с белым шитьем — оно казалось мне верхом совершенства. Но с этим платьем связана одна неприятная история. После того как я вышла в нем на сцену в первый раз, у меня дома раздался звонок: «Здравствуйте, Катя. С вами говорит Гелена Великанова. Дело в

Я всю жизнь провела в дороге. Вся моя жизнь — как один большой концерт...

Сын Григорий

получишь в морду...» Наверное, по выражению моего лица он понял, что я готова немедленно разукрасить его физиономию, потому что тут же прекратил играть. И я допела концерт без сопровождения, исполняя фольклорные русские песни а капелла. Слава Богу, зрители так и не поняли, что произошло...

— **Темпераментно вы объяснились с тем музыкантом...**

— Что есть, то есть: за словом в карман не лезу. Но именно за границей благодаря своему острому языку я нередко попадала в весьма неловкие ситуации. Чаще всего это происходило из-за того, что при каждом удобном случае пыталась напомнить иностранцам, в какой замечательной стране живут советские люди. На гастролях в Канаде, оказавшись на каком-то высоком приеме, я познакомилась с правительственными чиновниками. И конечно, тут же оседлала своего любимого конька. «Вот, — говорю, — нигде во всем мире нет таких деревьев, как у нас. Возьмите хотя бы березку, белая, кудрявая. Вы такой красоты и представить не можете...» И вдруг замечаю, как мои новые знакомые сочувственно на меня смотрят: «Катенька, а вы в окошко выглядывать не пробовали?..» Оказалось, березок в Канаде едва ли не больше, чем в России.

За границей я при каждом удобном случае пыталась напомнить иностранцам, в какой замечательной стране живут советские люди

том, что сегодня вы появились на сцене почти в таком же платье, как у меня. Прошу вас больше этого не делать. Я не хочу, чтобы меня сравнивали с вами, потому что вы молоды и сравнение может быть не в мою пользу...» Я даже не успела промолвить ни слова, как она уже положила трубку. На меня будто вылили ушат холодной воды. С одной стороны, я боготворила Великанову, а с другой — как же я могла отказаться от нового платья, если больше у меня ничего не было? В следующей концертной программе на свой страх и риск я появилась все в том же платье. Конечно, Гелена Марцелиевна об этом узнала и расценила мой поступок как вызов или полное неуважение к себе. С того дня, встречаясь со мной на концертах, она ни разу даже виду не подавала, что мы знакомы. Помирились мы только в 92-м году. Тем не менее платье, из-за которого мы поссорились, принесло мне счастье. Именно в нем в 1976 году я дала единственный концерт в миссии ООН...

— **Какжется, вы были первой русской певицей, которой посчастливилось там выступить?**

— Да, я была первой из эстрадных исполнительниц, приглашенных туда. Но не потому, что такая особенная, просто стечение обстоятельств... Тот концерт вполне мог обернуться для меня страшным провалом. Дело в том, что вместо моих музыкантов, прекрасных профессионалов, в ту поездку Госконцерт дал мне какого-то блатного баяниста, который из моего репертуара толком не мог сыграть ни одной песни. Весь ужас в том, что выяснилось это, только когда мы вышли выступать перед переполненным залом, до этого на репетициях он показывал мне худо-бедно отрепетированные заготовки. Этот мужик так безбожно перевирал мотив, что я просто не знала, как мне быть: не попадала ни в одну ноту. А иностранцы как никто ценят безупречную чистоту исполнения. Он с трудом доиграл первую песню, и тогда я, чувствуя, что через минуту меня просто освижут, подошла к этому баянисту и, убрав в сторону микروفон, угрожающе прошипела: «Если не прекратишь играть,

— Вы дважды были замужем?

— Да. Мой второй муж Григорий был музыкантом в оркестре Юрия Саульского. Мы познакомились на концертной программе в Лужниках, которую снимали для ЦТ. Телеверсию готовили целую неделю, поэтому все артисты работали под фонограмму. В последний день съемок я вышла на сцену, и, когда уже спела половину песни, вдруг в зале вырубилось электричество. Я оказалась в совершенно идиотской ситуации: стою с микрофоном и не знаю, что делать дальше. Вдруг ко мне на сцене в полумраке подошел какой-то мужчина и говорит: «Сейчас будете петь дальше, я вам на скрипочке подыграю». Я хоть и стояла почти в полной темноте, все же смогла рассмотреть, что у моего спасителя в руках вовсе не скрипочка, а тромбон. Думаю, откуда

Дочь Жанна

взялся этот чудак? Но тем не менее его поблагодарила. Однако продолжать петь и под скрипочку, и под тромбон после большой паузы все равно было невозможно. Я, расстроенная, ушла за кулисы и села там на какое-то бревно (его, наверное, использовали для оформления сцены). Свет уже загорелся, а я сижу и чуть не плачу от усталости и от того, что мой номер не удался. Тут опять откуда ни возьмись появляется тот странный музыкант. «Что это, — говорит, — вы расселись на памятнике истории? Да это бревно еще руки Владимира Ильича помнит...» Я в первую минуту даже испугалась: может, думаю, действительно

сколько концертов за день, дома я не могла даже разговаривать. Никакой мужчина, даже самый лучший, не в состоянии жить с женщиной, которая после длинного дня даже поговорить с ним не может. Просто падает в кровать, как бревно, и тут же засыпает.

— **Вы никогда не думали, что, постоянно работая на пределе, в конце концов сорвете себе голос?**

— Однажды, выступив в заводском цеху, стены которого были покрыты инеем, я действительно напела себе узлы на связках. В больнице Боткина мне сделали сложнейшую операцию,

Через пять минут нашего знакомства Гриша пригласил меня к себе: «Приходите ко мне на моченые помидоры!» Как будто знал, что их я люблю больше всего в жизни...

на историческом бревне сижу? И самой тут же смешно стало. Мой новый знакомый сразу вздохнул с облегчением: «Ну вот, наконец-то вы рассмеялись...»

А уже через пять минут после нашего знакомства Гриша пригласил меня к себе на обед: «Приходите ко мне на моченые помидоры». Будто знал, что моченые помидоры я люблю больше всего в жизни... Мы прожили вместе восемь лет, у нас две замечательные дочки — близнецы Элла и Жанна. И разошлись только потому, что у меня совсем не оставалось времени, чтобы быть просто женой и мамой, я как проклятая пропадала на сцене. Меня сутками не бывало дома — я благодарила Бога, если мне удавалось поспать часа четыре. Иногда, отработав не-

и доктор Юрий Стефанович Василенко строго-настрого приказал целый месяц рта не открывать. Дома через неделю раздался звонок: меня ждут на концерте во Дворце съездов. Я выступила, и у меня произошло страшнейшее кровоизлияние в связках...

Я как-то удивительно небрежно относилась к своему здоровью. После ранения в лифте, когда надо было беречь шею и позвончик, я сделала стойку на голове, сдавая экзамен по актерскому мастерству на заочном отделении ГИТИСа. Иаким Георгиевич Шароев тогда сильно возмущался: «Как же ты можешь так себя не жалеть?..»

— **А что это за ранение в лифте?**

Как только выдается свободное время, я еду в Австралию. Там живет моя дочь Элла

Дочь Элла

— В 1981 году, отработав семь праздничных концертов 8 марта, я, уставшая, измотанная, поздно вечером возвращалась домой. На мою беду, одета я была в роскошную песцовую шубу... Конечно, я не обратила никакого внимания на мужчину, который вслед за мной зашел в лифт. Повернулась к нему спиной и попросила нажать на кнопку седьмого этажа. И тут же получила сильный удар в шею чем-то острым. За долю секунды, почувствовав, как теплая кровь потекла по спине, поняла: «Это конец, из лифта живой я уже не выйду...» И мне вдруг стало страшно обидно: «Неужели все, неужели такой нелепый конец?

Надо бороться...» И я, полуживая, накинута на убийцу. Я дралась с ним, ощущая, как из меня в буквальном смысле вытекает жизнь. И вот, когда уже казалось, что еще секунда — и я просто рухну на пол (руки и ноги уже отказывались меня слушаться), дверь лифта распахнулась, я выскочила на площадку и стала звонить во все двери сразу. Только когда наш сосед, Петя-дворник, открыл дверь, я потеряла сознание.

Уже много лет я на сцене, а все еще не чувствую, что наконец могу остановиться и не работать. Работа, работа, всегда одна работа... Закрываешь глаза — и жизнь проходит перед тобой, как один большой концерт. Только после всемирного пятого года я почувствовала себя свободной. Я сама получила возможность организовывать себе гастроли. Тут же уехала со своими музыкантами в Грецию... Сейчас я наконец-то могу позволить себе отдохнуть пару месяцев в году. Дети выросли и живут отдельно: Гриша и Жанна — в Москве, Элла — в Австралии. Никто из них, насмотревшись на то, как порой тяжело приходилось мне, не захотел идти в артисты...

Я по-прежнему много концертирую, но, честно говоря, подумываю о том, как важно для певицы не пропустить момент, когда нужно оставить сцену.

Я запомнила, как когда-то давно в Зеленом театре в Парке им. Горького Клавдия Шульженко прошла по примерке, дверь которой была настежь распахнута, совершенно обнаженной. Мой возглас: «Клавдия Ивановна, ведь вас могли увидеть!» — ее только рассмешил. «А мне что, уже и показать нечего?»

Певица может оставаться на сцене только до тех пор, пока она хороша. Мне кажется, очень важно, чтобы зритель запомнил тебя цветущей и полной сил. Я надеюсь, Господь подаст мне знак, когда надо уйти...
Беседовала Юлия Ушакова